

5. Тотемный характер почитания орла у ольхонских бурят выдает обращение к орлиному божеству – Хан Хотобабай. Третий компонент теонима – баабай означает ‘пра-родитель, предок’. Тотемный отзвук, связанный с орлом и

отражающий, по всей вероятности, ольхонский период истории хори-бурят, содержится в летописи В. Юмсунова. В ней эта ‘царственная птица’ называется ‘нойоном-предком’ [Юмсунов, 1995, с. 40].

1. Абай Гэсэр Богдо хаан, 1995 – Абай Гэсэр Богдо хаан. Зап. и сост. С.П. Балдаева. Подг. текста и предисл. М.И. Тулохонова, Д.Д. Гомбоин. Улан-Удэ, 1995.
2. Базаров, 1999 – Базаров Б.Д. Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 1999.
3. Балдаев, № 138(111) – Балдаев С.П. Хүхэрдэй Мэргэн, 1941 г. // ОПП ИМБТ СО РАН, ф. Балдаева С.П. Фольклор, № 138 (111).
4. Балдаев, № 173/339а – Балдаев С.П. Шубуун ноён. Записано от П. Пилаева, 1917 // ЦВРиК ИМБТ СО РАН, ф. Балдаева С.П. Шаманство, 173/339а.
5. Балдаев, № 265/352 – Балдаев С.П. Ойхоной эжэн Хан Хута баабай ‘Хозяин Ольхона Хан Хутай нойон’. Записано от Б. Пилеева, 1913 // ЦВРиК ИМБТ СО РАН, ф. Балдаева С.П. Шаманство, № 265/352, л. 9-10.
6. Балдаев, 314/378 – Балдаев С.П. Тарсын боонүүдэй удха ‘Родословная тарасинских шаманов’. Записано от Т. Петухова, Боханский район, 1912 г. // ЦВРиК ИМБТ СО РАН, ф. Балдаева С.П. Шаманство, № 314/378, л. 1-9.
7. Балдаев, № 3514 – Балдаев С.П. Миф об Эрлэн-хане // ОПП ИМБТ СО РАН, ф. Балдаева С.П. Шаманство, № 3514.
8. Баторов, 1927 – Баторов П.П. Культ орла у северобайкальских бурят // Бурятведение. № 3-4. Верхнеудинск, 1927.
9. Бертагаев, 1974 – Бертагаев Т.А. Космогонические представления в мифологии монгольских племен // Историко-филологические исследования. М., 1974.
10. Борджанова, 1999 – Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков. Элиста, 1999.
11. Владимирцов, 1927 – Владимирцов Б.Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Л., 1927.
12. Галданова, 1981 – Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
13. Галданова, 1987 – Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.
14. Галданова, 1998 – Галданова Г.Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Сибирь: этносы и культуры. Вып. 3. Улан-Удэ, 1998.
15. Гоголев, 1990 – Гоголев А.И. Этнический аспект в традиционной религии якутов // Традиционное мировоз-

зрение и культура народов Сибири и сопредельных территорий. Улан-Удэ, 1990.

16. Дампилова, 2005 – Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ, 2005.
17. Дугаров, 2005 – Дугаров Б.С. Мифология бурятской Гэсэриады: восточные тэнгри. Улан-Удэ, 2005.
18. Дугаров, 2005а – Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ, 2005.
19. Мадасон, № 18, оп.1, д.79 – Мадасон И.Н. Родословная Гэсэра и примечания // ОПП ИМБТ СО РАН, ф. Мадасона И.Н., № 18, оп.1, д.79.
20. Манжигеев, 1978 – Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
21. Михайлов, 1996 – Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ, 1996.
22. Михайлов, 1987 – Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.
23. Неклюдов, 1984 – Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984.
24. Неклюдов, 1992 – Неклюдов С.Ю. Хухедей-Мерген // Мифы народов мира. Т.2. М., 1992.
25. Урбанасева, 1997 – Урбанасева И.С. Бурятский миф о первом шамане как часть центральноазиатского учения о тэнгэри // Банзаровские чтения – 2. Улан-Удэ, 1997.
26. Хангалов, 1958 – Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ, 1958.
27. Хангалов, 1959 – Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ, 1959.
28. Хангалов, 1960 – Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ, 1960.
29. Хухэ Мунхэ тэнгэри, 1996 – Хухэ Мунхэ тэнгэри. Сборник шаманских призываний. Улан-Удэ, 1996.
30. Шаракшинова, 1959 – Шаракшинова Н.О. Бурятский фольклор. Иркутск, 1959.
31. Шаракшинова, 1980 – Шаракшинова Н.О. Мифы бурят. Иркутск, 1980.
32. Штернберг, 1936 – Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
33. Юмсунов, 1995 – Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995.

И.С. Мерзлякова

Чита

Лингвоспецифический концепт как свидетельство особенностей национальной культуры

Each nation has its own cultural world's picture, it depends on many factors such as geography, climate, social structure, traditions, beliefs, mode of life. The linguistic world's picture reflects the reality. Every natural language reflects the definite way of perception of the world. To have a command of a language it means to possess the world's conception represented in this language. The linguospecific words present the mode of life of a linguistic community and can be considered as an evidence of some peculiarities of the corresponding culture.

В последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи культуры, языка и сознания: проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определённого языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. Бесспорно – языки культуры многообразны. Каждый язык культуры имеет свои особенности, он непередаваем адекватно ни на один другой язык.

Язык, сознание и культура соотносятся с окружающим миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его.

Согласно В.Г. Семеновой, о картине мира в голове человека позволяют судить не столько отдельные слова, сколько принципы группировки и классификации понятий, находящихся формальное выражение в системе языка. Картина мира складывается из отдельных ее фрагментов. В связи с этим в последнее время актуализировалось понятие “языковая картина мира”.

С одной стороны, понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка. В. Гумбольдт считал, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры. С другой стороны, в основу понятия языковой картины мира легли идеи американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, в соответствии с которыми язык и образ мышления взаимосвязаны.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система.

Согласно мнению С.Г. Тер-Минасовой, “национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Однако именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение”. Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, и

существовать) без двух других. Именно культурная картина мира, через которую, в свою очередь, отражает реальность языковая картина мира, различается у разных народов, что обусловлено многими факторами, такими как география, климат, социальное устройство, верования, традиции, образ жизни [9].

Современные представления о языковой картине мира выглядят следующим образом. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является “наивной” в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные.

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи:

- 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от “научной” (в этом смысле употребляется также термин “наивная картина мира”);
- 2) каждый язык “рисует” свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки.

Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей “наивный” взгляд на мир в противоположность “научному”. С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются “ключевыми” для данной культуры (в том смысле, что дают “ключ” к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно,

обидно, неудобно), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы) [5].

Во всех подобных случаях лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры, т.к. в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собой “бесценные ключи” к пониманию этих аспектов культуры [4, с. 14-19]. Воссоздание языковой картины мира возможно на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов языка в межкультурной перспективе.

“Языковая картина мира — исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности” [5].

В.А. Маслова считает, что каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира [8].

Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Язык — составная часть культуры и её орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; язык выражает специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания.

Итак, реальная объективная картина мира имеет свое отражение в культурной (понятийной) картине мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека. Любой естественный язык отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Совокупность

представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений определенного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на этом языке.

Концепт — сложное ментальное образование, единица концептуальной системы картины мира, отраженной в человеческом сознании; обобщенный ментальный образ, соединяющий разнообразную информацию о явлении действительности, связанную у носителей языка с данным словом. Все концепты объединяются в концептуальную систему — упорядоченную совокупность всех концептов, данных уму человека.

Концепт является результатом концептуализации, т.е. осмысления поступающей информации, мысленного конструирования предметов и явлений. Принципиальное отличие концепта состоит в том, что он, служа основой исследования языка и культуры, сам не лежит ни в языковой, ни в культурной сферах, ни в них обеих одновременно. Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Концепт связан со знанием, которое отражает существующие признаки объекта, и с миром культуры. Во всех концептах складываются идеи, которые возникали в разное время и в разные эпохи [7]. Концепт есть результат взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром [1].

Концепт дает возможность рассмотреть идеальные ментальные сущности, то есть те единицы, с помощью которых мы мыслим о мире, ментальные образования, составляющие категориальную основу языка и создающие обобщенный образ слова, объективируя модель сознания.

Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, и позволяют хранить знания о мире [6].

Концепт возникает как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем тот общеизвестный факт, что концепт надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе любого концепта [7].

Необходимо подчеркнуть, что получить доступ к концепту лучше всего через средства языка. Слова для формирования и существования концептов в принципе не нужны. Они нужны

для сообщения концептов, их обсуждения, а также они являются одним из источников их формирования в сознании человека.

Чтобы обменяться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализовать, т.е. назвать, выразить языковыми знаками, заместить знаками.

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному значению, и, получив через слово этот доступ, можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы) [7].

По А.П. Бабушкину, базой для образования концепта служит только то явление реальной действительности, которое становится объектом оценки. Ведь для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя, а момент «пропускания» и оценивания является моментом образования какого – либо концепта в сознании носителя культуры.

Помимо ценностной составляющей, также в структуру концепта входят понятийный и образный элементы. Понятийный элемент формируется фактической информацией о реальном или воображаемом объекте.

Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности. В данный элемент входят все наивные представления, закреплённые в языке; внутренние формы слов, которые служат выражению концепта, «устойчивые картинки» [2].

Может быть проанализирована историческая динамика развития и формирования концепта в национальном сознании – через изучение языковой и речевой репрезентации концепта в диахронии. Изменения значений соответствующих лексем, возникновение новых и исчезновение старых значений, различие в дефинициях одного и того же слова в разные периоды развития языка позволяют представить себе динамику развития соответствующего концепта в обществе.

Синхронический анализ репрезентации того или иного концепта в языке показывает современную структуру концепта, а также выявляет, какая часть того концепта, в каком объёме преимущественно актуализирована сегодня в соз-

нании народа, является предметом осмысления и обсуждения [7].

В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой сфере. Именно общность значительной части концептосфер обеспечивает переводимость с одного языка на другой – переводчик постигает концепт языка оригинала, а затем старается подобрать языковые средства, наиболее адекватно передающие этот концепт в переводе. Принципиальная переводимость текстов одного языка на другой – свидетельство существенной общности концептосфер народов, особенно стоящих на близком уровне социально-экономического развития [4].

Известно, однако, что в языках есть лакуны, отсутствие лексем для тех или иных концептов, а также есть безэквивалентные единицы – единицы, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в других языковых системах [3]. Безэквивалентные единицы свидетельствуют о наличии национального концепта. Например, в сознании европейских народов отсутствуют концепты, обозначаемые русскими безэквивалентными единицами смекалка, маячить, быт, автолюбитель, земляк и многое другое.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени потребности или обобщённости репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеологических сочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Именно так может быть выявлена национальная специфика репрезентации концепта в разных языках [7].

Таким образом, большинство народов обнаруживают сходство концептосфер, что подтверждается возможностью перевода с одного языка на другой. В то же время в языках наблюдается наличие безэквивалентной лексики, лакун и иллюгизмов, что свидетельствует о специфичности той или иной языковой картины мира. С помощью анализа подобных концептов, специфичных для одной лингвокультуры и лакунарных для другой, можно проследить сходства и различия в восприятии и понимании народами того или иного явления, что делает возможной и более успешной межкультурную коммуникацию.

1. Арутюнова Н.Г. Язык и мир человека [Текст] / Н.Г. Арутюнова. – М., 1993

2. Бабушкин А.П. "Возможные миры" в семантическом пространстве языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1998

3. Болдырев Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивная семантика. – Тамбов: изд. Тамбовского университета, 2001

4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 2001. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

5. Зализняк А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк. – www.krugosvet.ru/articles/ – 2001

6. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] / Словарная статья. – <http://kogni.narod.ru/>

7. Концептуальная метафора [Электронный ресурс] / Словарная статья – <http://referatoff.ru>

8. Маслова В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2001

9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / С.Г. Тер-Минасова. – <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/> – 2005.

М.И. Гомбоева, А.В. Спиридонова
Чита

Региональная культура: сущность, морфология и специфика бытования

The article analyzes conceptual foundation of the term "regional culture". Regional culture of Eastern Zabaikalye is observed as a special form of Russian culture variation that has some differences from Russian national culture presented in the interaction of universal and local but with an obvious domination of local over universal. It determines the specificity of regional culture of Eastern Zabaikalye. Cultural room of Eastern Zabaikalye is characterized as typical and typological resemblance of cultures of the region and is regarded as interpersonal social and cultural space with historical common values formed in cultural and personal interaction.

Предпосылки изучения концепта региональная культура: краеведение, регионалогия, культурные гнезда.

Анализ содержания понятия «региональная культура» основывается на теории «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова как своеобразных локальных территориально-поселенческих образований со специфической культурно-исторической средой, характеризующейся двумя важнейшими признаками: самобытность локальной культуры и специфика ее институциональной организации (6).

На исходе XX века интерес к культурным гнездам отражает кризис крупномасштабности, реакцией на этот процесс является актуализация изучения локализации культуры. Интерес представляют современные российские исследования складывания региональных культур, обращающиеся к вопросам генезиса исторической коллективной памяти сообщества (А.В. Дахин), обуславливающей своеобразную социокультурную среду сообщества феноменом коллективного себя-именования и себя-выделения среди других. «Материалами», в которых воплощается это себя-именование, выступают язык, территория, различные формы искусства, формы и нормы повседневной организации труда, быта, отдыха, а также предметно-пространственная бытовая и архитектурная среда (3).

Современные регионоведческие исследования зарубежных авторов (А. Даллин, К. Зегберс, С. Уайт, Дж. Ханн и др.) корреспондируют с российской исследовательской традицией. Так,

ситуативная историография, или кейс-стади, реанимирует пиксановскую терминологию, рассматривая локальное явление как неповторимое, невоспроизводимое в других условиях в качестве целостного и уникального события, вовлекающего в себя предшествующее, настоящее и будущее.

Исследование сущности региональной культуры, выявление ее неповторимости и вместе с тем сходства с материнской культурой возможно на основе принципов классической диалектики, а именно – на основе диалектического метода, оперирующего философскими понятиями «единичное», «особенное» и «общее». Взаимоотношение содержания указанных понятий при функциональной их определенности позволяет определить как общее, так и особенное в региональной культуре.

По версии К.-О. Аппеля, носители определенной культуры не способны опираться на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, если не находят им подкрепления в своей традиции. Иными словами, любая общечеловеческая универсалия некоторым образом отсылает к особенному, глубинному, традиционному, что подтверждается диалектическим анализом философских категорий, утверждающим, что единичное и общее не только взаимосвязаны, но и постоянно изменяются. Граница между ними подвижна. В процессе развития при известных условиях они превращаются друг в друга: отдельное становится общим и наоборот.